

Самсон Вырин

Центральный персонаж повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель», несчастный чиновник 14-го (последнего) класса, «сущий мученик» должности, отец дочери Дуни, увезенной гусаром в Петербург.

Повесть, рассказанная Белкину титулярным советником А. Г. Н., помещена в цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» четвертой, но в сноске к письму «одного почтенного мужа» она поставлена на первое место; вряд ли это случайно. Самсон Вырин — самая сложная из фигур, представленных в цикле; социальные мотивы прописаны здесь предельно подробно. Как бы Пушкин ни подчеркивал свое отличие от «прото-рассказчика» (то есть от А. Г. Н.), — тот по крайней мере на 10 лет старше, ибо к началу повествования уже 20 лет ездит «по всем направлениям», — подчеркнутая задушевность и сострадательность интонации выдает постоянное авторское присутствие в тексте.

«Сюжет» выринской жизни прост до отчаяния, хотя это не мешает ему почти полностью повторить очертания сюжета сентиментальной повести Мармонтеля «Лоретта» о деревенском фермере Базиле, чья дочь уезжает с графом де Люзи, прикинувшимся больным; Базиль отправляется на поиски, находит дочь, живущую в довольстве; возвращает ее — и в конце концов «официально» выдает замуж за графа. Жена умерла; дом держится на юной Дуне; заезжий гусар (Минский) с черными усиками, пораженный ее красотой, инсценирует болезнь и в конце концов увозит Дуню в столицу; поездка Самсона Вырина за «бедной Дуней» не дает результата. Сначала гусар пытается от него откупиться (как бы повторяя жест Эраста из «Бедной Лизы» Карамзина, на фоне которой создается «белкинская» повесть). Затем — когда «одетая со всею роскошью моды» Дуня при виде внезапно явившегося отца падает в обморок — Минский прогоняет Самсона Вырина взашей. Оставшись один, смотритель спивается до смерти; Дуня на карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и кормилицей, приезжает поплакать на его могилке...

И все-таки автор с самого начала вводит скромную историю Самсона Вырина в общефилософский контекст цикла. Все герои «Повестей», так или иначе, смотрят на жизнь сквозь призму схем, порожденных отнюдь не самой жизнью. Это может быть «романическая» схема — как в «Метели», или пасторальная (но ассоциативно связанная и с Шекспиром) в «Барышне-крестьянке», или «байроническая» — как в «Выстреле», или попросту «профессиональная» — как в «Гробовщике». Есть своя схема восприятия жизни и у Самсона Вырина. Она отражена в картинках «с приличными немецкими стихами», развешанных на стенах его «смирненной, но опрятной обители». (Прием, распространенный в «вальтер-скоттовской» русской романистике.)

Четыре картинки изображают эпизоды из притчи о блудном сыне. Первая показывает «беспокойного юношу», который забирает мешок с деньгами у «почтенного старика» в шлафроке; вторая живописует «развратное поведение» юноши, окруженного ложными друзьями и бесстыдными женщинами; третья дает образ промотавшегося юноши в рубище и треугольной (!) шляпе — среди свиней; четвертая посвящена торжеству «почтенного старика», который принимает раскаявшегося сына в свои объятия («в перспективе повар убивает упитанного тельца»). Повествователь убийственно смешно описывает картинки; риторические штампы, которые он при этом пародирует, предельно далеки от религиозно-мистического смысла «источника» — евангельской притчи о блудном сыне. Здесь мистика подменена «мещанской» моралью; эта обывоченная мораль и лежит в основе выринского мирозерцания.

Все случившееся с ним Самсон Вырин рассматривает сквозь призму этих картинок. Бегство Дуни для него равнозначно уходу неблагодарного юноши («уж я ли не любил

моей Дуни...»). Ее жизнь в столице должна соответствовать сцене «развратного поведения». Должна — и не важно, что гусар Минский оказался для его дочери отнюдь не «ложным» другом, что она богата, свободна и имеет даже некую власть над любовником; что Минский обещает ему: «...Она будет счастлива, даю тебе честное слово» — и в конце концов слово держит; что в жизни все складывается иным образом, нежели предусмотрено выринским «сценарием». Реальности Самсон Вырин не то чтобы не видит; просто она для него менее реальна, чем жизненная схема мещанской идиллии («бидермайера»). И потому он, почти слово в слово повторяя слова матери «бедной Лизы» Карамзина — «Ты еще не знаешь, как злые люди могут обидеть бедную девушку», — ждет, когда же Дунина жизнь повторит очертания третьей картинки — «Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицы вместе с голью кабацкою». Ждет, ибо только после этого, после полной жизненной катастрофы дочери, наступит черед четвертой картинки — состоится покаянное возвращение «блудной дочери». И, как бы предчувствуя, что не дождется этого, Самсон Вырин желает смерти любимой Дуне...

Однако повесть о Самсоне Вырине действительно самая сложная по своему построению во всем цикле. Взгляды героя мотивированы социально — по-своему он прав, подобные «романические» истории с увозами чаще всего завершаются катастрофой. (Тут читатель, по замыслу автора, должен вновь вспомнить повесть Карамзина — ее трагический финал.) Кроме того, образ Самсона Вырина отражен еще в нескольких литературных зеркалах. Сначала рассказчик иронически припоминает стихи князя Вяземского о «коллегском регистраторе», почтовой станции «диктаторе», чтобы затем — вопреки цитате — пробудить в читателе сочувствие к этому несчастному «диктатору», которого каждый может обидеть. Так — постепенно и неявно — Самсон Вырин предстает жертвой общества; его «формула» выведена из опыта жизни в этом обществе. Другое дело, что зритель не хочет открытыми глазами, непредвзято посмотреть окрест себя, чтобы сквозь «социальную» жизнь увидеть жизнь самой жизни, ее непредсказуемую полноту. Законы бытия открыты для благой воли. Провидения или хотя бы для случайности; ее поток может вторгаться и в социальное пространство — меняя привычный ход вещей. Таковую возможность Самсон Вырин начисто отвергает; более того, он как бы входит, врастает в образ страдающего отца, в прямом смысле слова «упивается» своей печалью, — так что рассказчик спешит отразить героя в очередном литературном зеркале, на сей раз — кривом. Несколько театральный жест пьяного Самсона Вырина, «живописно» отирающего слезы «своею полою», сравнивается с поведением «усердного Терентьича» в «прекрасной балладе Дмитриева» («Карикатура»).

Ограниченности социальной схемы соответствует бытовленность выринских «картинок»; предельной открытости самого бытия соответствует утраченный в этих картинках религиозный смысл евангельского «источника». Пока Самсон Вырин ждет, что события выстроятся в последовательность, «подсказанную» его картинками, свободный поток жизни komponует все по-своему. Вопреки «картинкам» — и в соответствии с духом Евангелия. Рассказ о приезде Дуни и ее покаянном плаче на могиле отца развязывает сюжет повести — и окончательно смыкает его с сюжетом о блудном сыне. Правда, сам Самсон Вырин этого уже никогда не увидит.

Сложная организация образа Самсона Вырина предполагала возможность его восприятия и в чисто «литературном», и в религиозном, и в сугубо социальном ключе. Именно социальную маску «маленького человека» Вырина использовали писатели и критики ранней натуральной школы (так, Макар Девушкин в «Бедных людях» Достоевского читает «Станционного смотрителя», как бы узнавая в Самсоне Вырине своего предшественника).